

Линь Цзунцзе поднял взгляд на Ляо Вэя. Ситуация и правда казалась скверной. Ему до зарезу нужен был совет понимающего человека, чтобы разложить всё по полочкам. Хань Линь вёл себя слишком непредсказуемо, и его мотивы были за пределами понимания такого прожжённого ловеласа, как он. Тот в амурных делах соображал куда лучше — по крайней мере, его девчонки вечно то уходили в слезах, то возвращались счастливыми.

— Только вот я от него ни разу не слышал «я согласен» или чего-то в этом духе, — стиснув зубы, добавил Линь Цзунцзе.

— Это как? — не понял Ляо Вэй.

— Ну, то есть я признался, поцеловал его, но он сам чётко ничего не говорил и наших отношений не подтверждал.

— А вчера ты как его поцеловал?

— Силой. Он дверь открывал, а я его к стене прижал.

— Раз по роже не получил, значит, он согласен.

— Он нахмурился, вспоминая вчерашние стремительные события. У него отец дома был. Я когда его к стене притиснул, случайно плечом звонок задел. Отец дверь открыл, мне пришлось его отпустить. Он вошёл в квартиру, а я за дверью спрятался.

Ляо Вэй ухмыльнулся, а потом не выдержал и покатился со смеху:

— Ну ты даёшь, Президент! Ну силён!

— Кончай ржать, давай дельный совет. Если сможешь его вернуть, я тебе ещё на месяц шашлыки оплачу.

— Идёт! — У Ляо Вэя загорелись глаза. Он деловито подпёр подбородок рукой. — Колись, когда он перестал с тобой разговаривать?

— Сегодня утром.

— А до этого что было?

— Да ничего особенного. Просто поболтали.

— Можно поподробнее?

— Ну, я ждал, пока он выйдет, увидел, что он покупает завтрак, и решил заплатить за него. Протянул сотню, а у продавца сдачи не нашлось, он хотел мне её вернуть. Я сказал, пусть оставит себе, мол, я теперь всегда за его завтраки платить буду. Потянул его за собой, а он вдруг говорит: «Хватит паясничать, у меня нет времени на твои игры». Я ответил, что не играю, что у меня всё серьёзно. Тогда он спросил, сколько у меня было девушек. Я уточнил, каких именно считать — тех, с кем за ручку держался, или с кем целовался? Он промолчал, ну я и посчитал всех подряд. Сказал, что четыре. Он спросил, со скольких лет начал встречаться, я говорю — с шестнадцати...

— Стоп, стоп, стоп! — Ляо Вэй вытаращил глаза и сделал жест рукой, призывая замолчать. — Ты что, серьёзно вывалил ему, что с шестнадцати лет успел с четырьмя девчонками перевстречаться?

— Ну да, их действительно было четыре. Лу Цинюань, Сун...

— Какой ещё Сун! Беги отсюда ронять слёзы и вымаливать прощение на коленях!

— Это ещё почему? — искренне удивился Линь Цзунцзе. — Я же правду сказал. Что в этом плохого?

— Ума не приложу, как тебя прежние четыре девчонки терпели.

— Ты можешь нормально объяснить? — Линь Цзунцзе начинал терять терпение. — Или без шашлыков хочешь остаться?

— Ладно, ладно. Тут же ежу понятно — парень просто приревновал. Скажи, он ведь у тебя ни с кем раньше не встречался? Первая любовь?

— Наверное. Не слышал, чтобы у него кто-то был.

— Ты его целовал и даже не знаешь, первый ты у него или нет?

Линь Цзунцзе невольно коснулся губ. Вспомнив вчерашнего Хань Линя, он довольно улыбнулся:

— Точно первый. Он вчера вообще застыл как вкопанный, даже шевельнуться побоялся.

— Ну и как, понравилось?

— Ещё бы.

— Тебе-то понравилось, а у него это первая любовь, понимаешь? И тут заявляешься ты со своим послужным списком из четырёх девчонок, объятиями и поцелуями направо и налево! Скажи спасибо, что он тебе сразу по физиономии не съездил, понял?

— Но я же... просто честно ответил.

— Правило номер один при ухаживании, — Ляо Вэй покровительственно похлопал Линь Цзунцзе по плечу. — Никогда, слышишь, никогда не говори правду. Что бы тебя ни спросили, ответ всегда один: она — единственная. «Сколько у тебя было девушек?» — «Только ты». — «Ты целовался с другими?» — «Никогда в жизни». — «Тебе, наверное, было грустно расставаться с бывшей?» — «Вообще наплевать». — «А если бы ты встретил меня, пока ещё не расстался с ней, что бы сделал?» — «Изменил бы ей и ушёл к тебе».

Линь Цзунцзе лишился дара речи.

— Короче, купи сейчас что-нибудь, поднимись к нему и извинись. Сбавь спесь, скажи пару ласковых слов. И запомни: в любой ссоре виноват только ты. Всё, что говорит или делает твоя половинка — чистая правда. Сам выбрал себе сокровище — сам теперь его береги и пылинки сдувай.

— А что купить?

— Тут уж думай сам. Пришло время проявить фантазию.

Линь Цзунцзе недовольно надулся, но всё же поднялся и побрёл прочь со стадиона.

Ляо Вэй крикнул ему вдогонку, махая рукой у беговой дорожки:

— Если всё выгорит, с тебя щедрый выкуп за сватовство на свадьбе!

Ну конечно, о деньгах он не забыл ни на минуту.

Да уж, просить прощения Линь Цзунцзе не умел совершенно. Раньше, если его девчонки обижались, он просто сорил деньгами: покупал всё, что они просили. Ну а что нужно старшеклассницам? Машины и квартиры им без надобности, так что дело обычно ограничивалось серебряной цепочкой, стаканчиком чая с молоком или тортом.

«А что любит этот упрямец Хань Линь? — размышлял он. — Варёные яйца, несладкое соевое молоко, тушёную говядину с картошкой, вонтоны с креветками... Чипсы? Сухарики? Он никогда не притрагивался к подобному. Украшения? Хань Линь вообще ничего такого не

носил. Может, купить ему сборник тестов для подготовки к экзаменам? Да Хань Линь при его усердии эти тесты, наверное, ещё три года назад наизусть выучил. Что же ему, чёрт возьми, подарить?»

Линь Цзунцзе впервые в жизни испытывал мучительную досаду от того, что у него есть деньги, которые он не может потратить.

Вернувшись из учительской, Хань Линь не обнаружил Линь Цзунцзе на месте. Его парта пустовала — тот, как обычно, ушёл на сборы. Сначала он ни о чём таком не думал, но ближе к обеду поймал себя на том, что то и дело косится на настенные часы.

«Неужели этот придурок снова притащит обед? — со злостью подумал он. — Если принесёт, швырну этот ланч-бокс прямо ему под ноги. Пусть почувствует, каково это. Нужно же хоть как-то выпустить пар»

Однако Линь Цзунцзе так и не появился. Вместо него в класс прибежал взмыленный Сун Чэн. Обычно он обедал в школьной столовой, но сегодня, судя по всему, проделал долгий путь. Он со стуком поставил контейнер на парту Хань Линя и без сил рухнул на соседний стол, тяжело отдуваясь.

— Учебный староста... Президент только что звонил, велел кровь из носу доставить тебе обед до половины первого. Я всего на минуту опоздал, ты только ему не выдавай меня, ладно?

Хань Линь посмотрел на Сун Чэна, затем перевёл взгляд на синий ланч-бокс с Дораэмоном.

Он решительно отодвинул контейнер:

— В следующий раз не бегай для него. Я это есть не буду.

— Да почему? Президент ещё вчера вечером этот обед заказал, я сегодня только забрал его. — Сун Чэн потянулся и приоткрыл крышку. — Смотри: мясные шарики, осьминожки из сосисок, брокколи... Настоящий японский бенто! Он же знает, что ты не любишь жирное и острое, тут всё лёгкое. И вот, маринованная редька, прямо слюнки текут.

— Сам ешь. А я пойду лапши перекушу.

— Учебный староста! — Сун Чэн ухватил его за край рукава. — Да что между вами стряслось? Чем он тебя опять разозлил?

— Передай ему кое-что.

Сун Чэн растерянно моргнул и осторожно отпустил ткань его пиджака, вежливо кивнув:

— Внимательно слушаю.

— Скажи, пусть забирает свой ланч-бокс и раздаст его своим четырём бывшим. Пусть делят на всех.

Сказав это, Хань Линь вышел из класса. Сун Чэн озадаченно почесал затылок, глядя ему вслед.

— Четыре бывшие... Ничего себе, Президент даёт!

Пока Хань Линь кипел от злости, Линь Цзунцзе ломал голову над подарком. Он обзвонил человек десять — и парней, и девчонок, включая тех самых четырёх бывших, из-за которых разгорелся сыр-бор. Вопрос у него был один: «Что подарить умному, но жутко вредному парню, который на тебя обиделся, чтобы он простил?»

Окружающие впали в ступор. Подарок парню, потому что он обиделся?

— Без понятия. Обычно у нас обижаюсь я, а не мой парень. Да и вообще, если он дуется, пусть сам со своими тараканами разбирается. С какой стати я ему подарки делать буду?

— Если бы я обиделся? Да я пикнуть боюсь, лишь бы моя ненаглядная не злилась! Мне вообще обижаться не положено.

— Что я хочу на день рождения? Ну... Harley-Davidson X48, наверное.

Чёрт бы их побрал, в самый ответственный момент вокруг одни бестолочи!

Линь Цзунцзе в сердцах едва не швырнул телефон об асфальт.

Он уселся на лавочку, обхватив голову руками. Вдруг перед глазами промелькнула картина из их школьных будней: Хань Линь протягивает руку, требуя сдать тетрадь. Красивая, изящная кисть с длинными тонкими пальцами. Как он держит его за руку, как забирает работы, как пишет...

«Точно! Как он пишет!»

Поймав эту мысль за хвост, Линь Цзунцзе поймал такси и поехал на другой конец города. Машина остановилась у дверей элитного магазина пишущих принадлежностей.

— Мой парень — круглый отличник, но сегодня мы поссорились, и он на меня ужасно зол.

Какую ручку ему выбрать, чтобы он меня простил?

Линь Цзунцзе зашёл и сразу выложил всё как на духу, заставив улыбчивую продавщицу в недоумении хлопнуть глазами. Она явно не ожидала такого захода от парня в школьной форме.

— Вы предлагайте, деньги у меня есть, — добавил он, решив, что она сомневается в его платёжеспособности.

— Ох, простите, я просто недослышала. Вы сказали... парню?

Оперевшись локтями о стеклянную витрину, Линь Цзунцзе подтвердил:

— Ну да, парню. А что, ручки делятся на мужские и женские?

— Разумеется. Подскажите, на какую сумму вы рассчитываете?

— Чтобы подействовало, — отрезал Линь Цзунцзе.

— Ваш молодой человек тоже учится в школе?

— Ну а где ещё?

— Понимаю. А какими брендами он обычно пользуется?

— Да никакими. Если бы у него была нормальная ручка, я бы разве приехал сюда?

Продавщица почувствовала, как её прошибает пот.

— Хорошо... А какой у него характер? Он скорее общительный или замкнутый?

— Характер? Молчаливый, неулыбчивый, вечно зыркает исподлобья. Чуть что не так — сразу в молчанку играет. Знаете, давайте только не слишком дорогую. А то разозлится ещё сильнее, швырнёт её об стену, и мне придётся новую покупать.

Линь Цзунцзе лениво осмотрел несколько выставленных на бархатную подложку перьевых ручек. Сам он в этом ничего не понимал, и быстро теряя терпение, недовольно буркнул:

— У вас что, нет специальной серии для примирения?

— Вообще-то у нас есть одна модель, которую влюблённые покупают чаще всего. Но цена...

— Я же сказал, деньги — не проблема.

— Простите, просто для школьника это может быть слишком дорого.

Линь Цзунцзе нетерпеливо махнул рукой:

— Сколько?

— Пятьдесят две тысячи.

— Показывайте.

Ручка оказалась на удивление увесистой. На колпачке красовалась золотая вставка с причудливой гравировкой, напоминающей древние наскальные рисунки. Линь Цзунцзе не разбирался в искусстве, но продавщица тут же зашебетала:

— Число пятьдесят два в Китае созвучно признанию в любви. Многие пары выбирают именно этот подарок, чтобы выразить свои чувства. При желании мы можем сделать именную гравировку на корпусе.

— Выгравировьте букву Л.

«Л» — как Линь в имени Линь Цзунцзе. «Л» — как Линь в имени Хань Линь.

Линь Цзунцзе вернул ручку продавщице вместе со своей банковской картой.

<http://bllate.org/book/18229/1759157>